

УДК 80(043)

*А.М. Ключина***ХАРАКТЕРИСТИКА СПЕЦИФИКИ ПЕРСОНОСФЕРЫ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО**

В настоящей статье представлен обзор работ ученых и критиков о жизни и творчестве Ф.М. Достоевского. Персонасфера Ф.М. Достоевского занимает особое место в русском национально-культурном пространстве; художественные произведения писателя отражают национальную действительность и передают национальные ценности русского народа; персонажи символизируют национальный русский характер. Выявлена высокая частота проявления понятийной категории *крайности* в разнообразных сферах индивидуальной персонасферы Ф.М. Достоевского: в фактах биографии писателя и их отражении в творчестве; в творческом методе; в характере и действиях персонажей как частотных образах личной персонасферы Достоевского; при описании крайних ситуаций в жизни персонажей; при отражении Достоевским русского характера, русской лингвокультуры посредством персонажей.

Ключевые слова: понятийная категория; крайность; персонасфера; Ф.М. Достоевский; русская лингвокультура.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-3-580-593

Выбор выдающейся личности Ф.М. Достоевского для нашего исследования неслучаен: его персонасфера занимает особое место в русском национально-культурном пространстве; его имя тесно связано с национальными ценностями русского народа; его художественные произведения отражают национальную действительность, национальный характер русского народа. В культуре любого народа есть национально-культурное пространство, которое включает в себя в том числе и имена известных людей. Г.Г. Хазагеров сферу персоналий, персонажей и образов называет персонасферой. Последняя подробно описана в его статье «Персонасфера русской культуры» [56]. Ученый пишет, что можно говорить не только о национальной персонасфере, но и о персонасфере отдельного человека, персонасфере социальной группы, о транснациональной персонасфере, и даже о персонасфере всего человечества [56, с. 133].

Цель статьи – показать проявление понятийной категории крайности в персонасфере Ф.М. Достоевского (на материале высказываний ученых и критиков).

А.А. Худяков определяет понятийные категории как «релевантные для языка ментальные категории, ориентированные, с одной стороны, на логико-психологические категории, а с другой – на семантические категории языка» [58]. Так, по мнению ученого, понятийные категории представляют собой опосредованный универсальными законами мышления результат человеческого опыта; являются, с одной стороны, основой семантических структур языка, а с другой – необходимой предпосылкой функционирования языковой системы в целом. А.В. Бондарко описал различия между понятийными категориями и функционально-семантическими полями. Ученый полагал, что функционально-семантические поля включают в себя определенные элементы плана содержания и плана выражения конкретного языка и находятся на поверхностном уровне. Семантические функции, носителями которых являются единицы функционально-семантического поля, выполняют «поверхностную» реализацию определенной «глубинной» инвариантной понятийной категории (или комплекса таких категорий). Понятийные категории, имеющие универсальный характер, относятся к глубинному уровню, тогда как языковая семантическая интерпретация данной понятийной категории, организация языковых средств, служащих для выражения данного значения, распределения семантической нагрузки между морфологическими, синтаксическими, лексическими и словообразовательными средствами – все это относится к поверхностному уровню [5, с. 12]. Таким образом, описание понятийных категорий не только помогает адекватно понять и интерпретировать факты языка, но и способствует проникновению в организацию мыслительных механизмов человека, что имеет чрезвычайно важное значение при анализе персонасферы.

При написании статьи мы изучили работы отечественных и зарубежных ученых и критиков разных времен, среди них:

– литературоведы России (С. Григорьева, Б.А. Грифцов, В.М. Дмитриев, В.В. Дудкин, Ф.И. Евнин, А.Н. Кошечко, А.Б. Криницын, Е.М. Мелетинский, Г.М. Ребель, Л.И. Сараскина, К.А. Степанян,

В. Сузи, О.И. Сыромятников, Б.Н. Тихомиров, Л.С. Фокин, Г. Фриндлендер, Н.М. Чирков), Германии (Х.-Ю. Геригк), Венгрии (А. Ковач), Италии (С. Сальвестрони);

– философы России (М.М. Бахтин, Г.С. Померанц, В.Ш. Сабиров, О.С. Соина), Франции (Г.А. Мейер, Р. Жирар), Мехико (М.А. Малышев);

– психологи и психиатры России (Д.А. Аменицкий, В.М. Бехтеров, В.С. Ефремов, Е.Н. Холондович);

– теологи и богословы Сербии (Иустин (Попович)), Англии (Р. Уильямс), Италии (Д. Барсотти), Швеции (Я. Эрикссон);

– литературные критики России (Л. Оборин) и Франции (А. Жид);

– писательница России (Л.Х. Симонова-Хохрякова).

Все они так или иначе упоминают о проявлениях крайности в разных аспектах жизни и творчества Ф.М. Достоевского. В нашей работе впервые отобраны цитаты о проявлениях понятийной категории крайности в персонифере Ф. М. Достоевского; все высказывания систематизированы; и, таким образом, представлена наиболее полная разноаспектная картина этого явления. Ранее нами уже были изучены особенности проявления семантики крайности в персонифере В.С. Высоцкого [22]. Кроме того, мы исследовали некоторые языковые средства выражения семантики крайности в художественных произведениях см. [21], а также в произведениях Ф.М. Достоевского [23-26]. Ср. изучение семантики крайности в художественных произведениях [16].

Жизнь и творчество Ф.М. Достоевского насыщены проявлением понятийной категории крайности. Подтверждение мы находим в статье А.Б. Криницына: «Как выразитель «русского хаоса», Достоевский означал <...> прежде всего «поэтику крайностей» – всего чрезмерного, в направлении страстности, болезненности и асоциальности <...>» [33].

В другой работе А.Б. Криницын пишет о том, что у Ф.М. Достоевского с его «поэтикой крайностей» все характеры персонажей отличаются преувеличением вплоть до полной исключительности и фантастичности, которые однако представлены писателем как типическое и нормативное [35].

Приведем еще одно высказывание. Я. Эрикссон отмечает: «Происходило ли это сознательно или бессознательно, но Достоевского явно влекло к крайностям человеческого поведения, его интересовали поступки, выходящие за грань общепринятых норм» [60, с. 119].

Сходные мысли мы находим также у Д. Барсотти, который, подробно проанализировав творчество Ф.М. Достоевского, с сочувствием и состраданием описывает борьбу и причудливое переплетение света и тьмы, любви и смерти, пламенной веры и ледяного безверия. Ученый пишет: «Мир Достоевского это мир крайностей <...> истинное противостояние в творчестве Достоевского – <...> добро отождествляется с миром Божиим, а зло — с властью лукавого» [2, с. 213].

Л.И. Сараскина пишет: «Достоевский – символ стремления дойти до края бездны» [47, с. 522]. Г.С. Померанц, исследуя стиль Ф.М. Достоевского, отмечает: «Достоевский всегда был человеком крайностей. Его всегда отталкивала умеренность» [44, с. 13]. Кроме того, сам Ф.М. Достоевский в повести «Записки из подполья» формулирует фразу, которая часто цитируется отечественными и зарубежными учеными: «Что же собственно до меня касается, то ведь я только доводил в моей жизни до крайности то, что вы не осмеливались доводить и до половины <...>» [10, с. 549].

Подобные высказывания могут быть умножены; все они аргументируют наше положение о том, что языковая личность Ф.М. Достоевского ориентирована на поэтику крайности.

Анализ цитат из работ критиков и ученых о художественном творчестве Ф.М. Достоевского, творческом методе и жизни писателя позволяет определить некоторые характерные черты проявления понятийной категории крайности в его персонифере. Мы обнаружили, что выявленные высказывания можно сгруппировать по сходству описания свойств крайности:

– проявление понятийной категории крайности в фактах биографии Ф.М. Достоевского и их отражение в творчестве писателя;

– понятийная категория крайности в творческом методе Ф. М. Достоевского;

– персонажи Ф.М. Достоевского как частотные образы личной персониферы писателя наделены признаками крайности, что отражается в характерах, проявлении чувств, поведении в катастрофических ситуациях; им свойственны антиномичные черты как проявление крайности, отступления от меры и категории срединности;

– крайние ситуации в жизни персонажей художественных произведений;

– отражение русского характера, русской лингвокультуры посредством проявления крайностей у персонажей Ф.М. Достоевского.

Прокомментируем каждую из этих групп высказываний.

Для начала проследим проявление понятийной категории крайности в фактах биографии Ф. М. Достоевского и их отражение в его творчестве. Л.Х. Симонова-Хохрякова пишет о полярности эмоциональных реакций Ф.М. Достоевского: «Федор Михайлович был человек до чрезвычайности впечатлительный, нервный, крайне раздражительный, но добрый, чистосердечный и отзывчивый на каждое искреннее чувство» [48, с. 343]. По мнению писательницы, характер Ф.М. Достоевского отличался быстрыми переходами «от чрезвычайной ласковости и дружелюбия к взрывам раздражения», что она объясняет его болезненно-потрясенным организмом вследствие каторги и припадков «падучей болезни» [48, с. 343].

Врач-невропатолог и психиатр В.М. Бехтеров пишет о крайностях в жизни Ф.М. Достоевского: «Человек, перенесший в своей жизни и крайнюю бедность, и тюрьму, и ссылку, и ужасы смертной казни, и сам имевший глубоко надломленное душевное здоровье» [4, с. 140]. По мнению ученого, только такой человек, при высокой природной душевной одаренности, мог найти в своей душе отклик на соответствующие положения жизни и на тяжелую душевную драму и мог воспроизводить с художественной яркостью те внутренние переживания, которые были испытаны им самим. В.М. Бехтеров считает, что именно в этом кроется основная причина силы своеобразного художественного творчества Ф.М. Достоевского, граничащего с откровением [4].

Б.А. Грифцов, описывая эстетический канон Ф.М. Достоевского, отмечает: «Многoplanность и радикализм сознания, требующего крайностей, полных осуществлений, мечущегося от крайностей и никогда не удовлетворяющегося “полулюбовью”, <...>» [8, с. 206].

Р. Жирар описывает жизнь писателя, создавая его «психопортрет» и воспроизводя процессы внутренней динамичной и противоречивой жизни: «...жизнь Достоевского, всегда хаотичная и беспорядочная, проходит под знаком крайней нестабильности и разлада» [15, с. 71]. Он указывает на произошедшие в Ф.М. Достоевском изменения: «крайне застенчивый и закрытый вначале, он проявляет себя в последующем экспансивно и невероятно надменно» [15, с. 50].

А.Н. Кошечко исследует вопрос об источниках формирования экзистенциального мирообраза в творчестве Ф. М. Достоевского. Она пишет: «...человек перманентно находится в ситуации преодоления, пере-лома, пере-хода из одной крайности в другую. В персональной судьбе Достоевского отчетливо прослеживается это стремление “переломить судьбу”» [28, с. 149].

Эти высказывания подтверждают мнение о противоречивом характере и поведении Ф.М. Достоевского. Они доказывают предположение о проявлении понятийной категории крайности в его мировосприятии и персонификации. Приведем цитаты из работ исследователей, демонстрирующие связь противоречивости в жизни писателя с проявлениями понятийной категории крайности в его художественном творчестве.

Р. Жирар отмечает, что при написании романа «Двойник» Ф.М. Достоевский впал в особое состояние крайности: «Письма, которые он пишет своему брату, отражают его крайнее смятение» [15, с. 54]. По мнению ученого, при таком противоречивом состоянии писатель продолжал работать над художественным произведением: «Достоевский работал над «Двойником» в состоянии крайнего возбуждения <...>» [15, с. 52].

Описывая мир, в котором живут персонажи Ф.М. Достоевского, Д. Барсотти находит их связь с внутренним миром писателя: «он [Достоевский] действительно познал крайний предел нравственного падения и вместе с тем — верность любви ко Христу, любви к смиренным и кротким, живому стремлению к чистоте и святости» [2, с. 29].

Х.-Ю. Геригк, анализируя литературное мастерство Достоевского, также указывает на отражение жизненного опыта писателя в его произведениях: «То, как Достоевский перерабатывает в “Записках из Мертвого дома” свой собственный опыт крайних страданий, становится основой его философии свободы» [6, с. 18].

Преподаватель психиатрии и практикующий врач-психиатр В.С. Ефремов критически оценивает персонажей художественных произведений Ф.М. Достоевского и отмечает, что «в “Преступлении и наказании” могли найти отражение ряд моментов биографии самого писателя. Речь идет о переживаниях Достоевского, <...>, связанных ситуацией безысходности и крайней нищеты» [14, с. 160].

Как отмечает Б.Н. Тихомиров, Ф. М. Достоевский при написании романа «Преступление и наказание» «проживал в отеле “Виктория” в крайней нужде, буквально без копейки денег и в обстановке, очень живо напоминающей ту, в которой уже на первых страницах читатели застают героя его произведения» [52, с. 15-16].

Приведем цитаты, подтверждающие проявление понятийной категории крайности в творческом методе Ф.М. Достоевского.

Священнослужитель Сербской православной церкви архимандрит преподобный Иустин (Попович) пытается раскрыть тайну религиозно-мессианского призвания России через произведения Ф.М. Достоевского и отмечает крайность как творческий метод создания художественных произведений писателя: «Всякую мысль, всякое чувство, всякое движение души он [Достоевский] продлевает до крайних границ, а затем соединяет их с вечными проблемами» [17, с. 15].

А. Жид считает отличительной чертой творчества Ф. М. Достоевского «стремление к примирению крайностей» [61].

Английский ученый-филолог, священнослужитель Англиканской церкви Р. Уильямс пишет: «...в “Легенде о Великом Инквизиторе” Достоевский доходит до крайности, пытаясь отобразить в своем Христе легко узнаваемого Иисуса, запечатленного в Евангелиях» [53, с. 61]. Кроме того, ученый отмечает, что и «...в “Идиоте” повествовательная струна натянута до крайности» [53, с. 105].

Л.И. Сараскина считает, что «произведения Достоевского, особенно такие, как “Записки из подполья”, “Бобок”, “Бесы”, их внутренняя музыка пронизаны крайностями» [47, с. 522].

М.М. Бахтин описывает художественную атмосферу произведений Ф. М. Достоевского, трансформирующуюся в его творческий метод: «<...> кажущаяся нервность, крайняя издерганность и беспокорность атмосферы в романах Достоевского» скрывают от поверхностного взгляда читателя точную художественную рассчитанность, взвешенность и необходимость каждого тона, каждого акцента, каждого неожиданного поворота события, каждого скандала, каждой эксцентричности [3, с. 76].

Анализируя роман «Преступление и наказание», ученый отмечает, что «все в этом романе <...> придвинуто к своим границам, все как бы готово перейти в свою противоположность, все доведено до крайности, до своего предела» [3, с. 189]. М.М. Бахтин пишет, что в романе «Преступление и наказание» нет ничего, что могло бы стабилизироваться в художественном мире, описываться в обычном течении биографического времени и развиваться в нем. По мнению ученого, все требует смены и перерождения; все показано в моменте незавершенного перехода.

О.С. Соина и В.Ш. Сабиров, сравнивая парадоксальные обстоятельства русской действительности в произведениях Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и Вл. Соловьева, пишут: «<...> у Достоевского нельзя не заметить какую-то мучительную погруженность в духовную сложность человека, притяжение к крайним безднам его мироощущения и почти безжалостное обнажение их» [49, с. 71].

Л.С. Фокин отмечает, что «Достоевский в “Записках из подполья” показывает <...> способ бытия, в котором крайность достигается через предельное сознание стыда, нищеты и тщеты человеческого удела» [54, с. 233].

А. Ковач указывает: «Борьба между добром и злом, наличие крайностей и их амбивалентность, иногда даже их транспозиция – всё это, несомненно, неоспоримые и очень важные для романиста истины» [27, с. 131].

Подчеркнем, что, создавая образы героев, Ф.М. Достоевский ориентирует читателя на понятийную категорию крайности. Персонажи произведений писателя, будучи ключевыми образами индивидуальной персониферы, также наделены чертами характера крайне противоположными; в поведении своем многие персонажи тяготеют к крайности; нередко находятся в состоянии крайней нужды.

Р. Уильямс пишет: «Практически все исследователи отмечают у героев Достоевского быструю смену эмоциональных состояний – по несколько раз на двух страницах текста, или даже в паре абзацев» [53, с. 168]. Ученый отмечает, что слово «вдруг» является отличительной чертой повествовательной манеры Достоевского и указывает, как правило, «на очередную эмоциональную крайность» [53, с. 168].

А.Б. Криницын указывает на то, что «Достоевский исходит в своем понимании человеческой природы из принципов парадокса и «схождения крайностей»» [29, с. 129]. Ученый пишет: «максимально усложняя характер своих героев, Достоевский совмещает в нем несовместимые противоположные черты, меняя местами крайность и норму» [29, с. 128].

Противоположности в характерах персонажей Ф.М. Достоевского описывают А.Б. Криницын и Д.Д. Шарاپова, полагая, что важным отличием его произведений от романа-фельетона является тот факт, что «<...> характеры главных героев у него крайне усложнены и противоречивы» [31, с. 26]. В качестве примера ученые приводят описание характера Полины в романе «Игрок»: «дерзкой и нежной одновременно, маскирующей свою любовь к Алексею мучительством и злобной насмешливостью» [31, с. 26].

В статье «Генезис и идейное становление подпольного героя в творчестве Ф. М. Достоевского» А.Б. Криницын перечисляет черты характера персонажей художественных произведений Ф.М. Достоевского и приходит к выводу о том, что еще в черновых записях к романам ясно вырисовывается характер персонажей, «где построение почти каждого образа начинается с указания на его раздвоенность, противоречивость, благородство, крайний эгоцентризм, мечтательность, замкнутость и озлобленность <...>» [34].

По мнению ученого, чертами персонажей являются: «крайняя раздвоенность чувств, способность к добру и злу одновременно; необыкновенно усиленное самосознание <...>; беспрестанное самокопательство и “отвлеченность” ума, мечтательность» [34]. Также ученый отмечает противоположность характеров персонажей Ф.М. Достоевского, которая может возникнуть в художественном произведении неожиданно для читателя: «Несовпадение реально изображенного характера героя с явленным в предыстории, или неожиданная подмена характера на противоположный по ходу сюжета также часто практикуются Достоевским <...>» [37]. По мнению ученого, такой прием заставляет читателя принять неожиданные усложнения образа, отчего тот становится крайне противоречивым.

Следует привести высказывания ученых о проявлениях противоположных черт характера персонажей в конкретных художественных произведениях Ф.М. Достоевского.

В реферативном сборнике «Полемика вокруг идейного наследия Ф.М. Достоевского в зарубежной литературе» приводится описание противоречивых черт характера Настасьи Филипповны: «Однако в Настасье Филипповне есть и другая крайность – крайность великодушия. Эти крайности добра и зла, сталкиваясь в личности Настасьи Филипповны, и делают ее нежизнеспособной» [43, с. 68].

Г. Фриндлендер описывает характер Дмитрия Карамазова: «<...> благородный и непосредственный, хотя в силу страстности своей природы во всем доходивший до крайности, не знающий меры в добре и зле Митя смиряется, <...>» [55, с. 24].

Н.М. Чирков пишет о Дмитрии Карамазове: «Человек буйных страстей, низвергнутый ими в низины жизни, дошедший до крайностей морального падения, он более других способен к моральному возрождению» [59, с. 294].

По выражению Г.М. Ребель «Соня распята между двумя крайностями: блудница и святая» [45, с. 73].

Р. Жирар описывает противоречивость характера Ставрогина: «все идеи, которые распространяет вокруг себя Ставрогин, крайне противоречивы» [15, с. 95-96]. Говоря о чувствах Аркадия к Версиллову, Р. Жирар отмечает, что «его чувства к Версиллову всегда отмечены крайностью» [15, с. 109].

Е.М. Мелетинский указывает на противоречивые черты характера персонажей Ф.М. Достоевского [41, с. 11-12], обнаруживает их у героинь романа «Идиот»: «Настасья Филипповна и Аглая, полны крайних противоречий в чувствах и поступках» [41, с. 11].

Анализируя персонажа романа «Подросток», ученый пишет: «Крайняя противоречивость, двойственность Версилова придает ему таинственность» [41, с. 141]. Е.М. Мелетинский отмечает противоречивость и в характере Ставрогина: «Николай Ставрогин – самый “широкий” из героев Достоевского, вмещающий в своей душе, <...>, крайние, всегда борющиеся между собой противоположности» [41, с. 15], указывает на ее причину: «сознательное и бессознательное метание Ставрогина между крайностями базируется на его равнодушии к добру и ко злу <...>» [41, с. 119].

Исследуя некоторые произведения писателя, А.Б. Криницын подтверждает наличие крайности и противоположности в характерах его персонажей. По поводу системы персонажей в романе «Идиот» ученый пишет: «<...> все оппозиции персонажей, отражающие философский смысл романа, строятся по принципу контрастного параллелизма, «крайностей», которые «сходятся»» [30, с. 132]. Он считает, что, изображая Дмитрия Карамазова, Ф.М. Достоевский характеризует его со слов других персонажей «как человека крайностей, часто низкого, сладострастного и необузданного в гневе» [32]. По мнению ученого, Достоевский в то же время симпатизирует своему герою и пытается оправдать его в глазах читателей. И хотя Дмитрий совершает как бесчестные, так и благородные поступки, писатель показывает его преимущественно в состоянии мучительного борения и победы над собой.

Р. Жирар описывает проявление противоположных черт характера главного героя романа «Преступление и наказание»: «Раскольников, одинокий мечтатель, подверженный перепадам настроения от крайнего возбуждения до депрессии, снедаем мыслью о собственной комичности» [15, с. 57].

Противоречивые черты в характере и поведении персонажа романа «Записки из подполья» описывает А. Ковач: «антигероя из “Записок из подполья” нельзя себе представить без постоянного колебания и смены психологических состояний, чередования крайностей, разрывающих его личность надвое» [27, с. 103]. Анализ Ставрогина также приводит ученого к выводу о наличии противоречивых черт в его характере и поведении: «Смятение героя, его вечная мучительная неуверенность, постоянные колебания между крайностями раскрываются прежде всего в психологическом плане» [27, с. 108].

В. Сузи и С. Григорьева, в круг интересов которой входит герменевтическая и структурно-семантическая интерпретация текстов Достоевского, пишут: «Образ Мити очень сложен, в том числе из-за страстности Мити, он является в какой-то степени человеком крайностей. Митя совершает и неблагородные поступки и великодушные: это, в свою очередь, делает его для многих неоднозначным персонажем» [7].

Л. Оборин считает: «Раскольников бросается из крайности в крайность: сначала хочет спасти от приставаний девочку на бульваре, потом бросает <...>; сначала отдаёт Мармеладовым все деньги, потом укоряет себя <...>» [42].

Важно отметить, что понятийная категория крайности проявляется не только в противоположных чертах характера персонажей Ф.М. Достоевского, но и при описании крайних ситуаций в их жизни.

О свойствах персонажей Ф.М. Достоевского попадать в крайние ситуации Г. Фриндлендер пишет: «действие постоянно ставит героев в “крайние” ситуации, вынуждая их, подобно героям трагедии, самим решать свою судьбу, принимая при этом на себя всю тяжесть ответственности за принятое решение» [55, с. 29].

Д. Барсотти отмечает: «в стремлении человека Бог уже присутствует, и именно это Присутствие объясняет нестерпимое напряжение, в котором живут персонажи, поставленные в крайние обстоятельства» [2, с. 156].

Приведем высказывания из работ ученых, подтверждающие, что персонажи Достоевского попадают в крайние ситуации.

Г.А. Мейер отмечает особое состояние героя романа «Преступление и наказание» после крайне драматической ситуации в его жизни: «Все в Раскольникове было натянуто до крайних пределов, когда признавался он Соне в своем злодеянии» [40, с. 176].

Архимандрит преподобный Иустин (Попович), описывая крайнюю ситуацию в жизни Ивана Карамазова, пишет: «Под ударами ужасов жизни самосознание Ивана разрослось до крайних пределов, а кошмарный гость умело и незаметно ведет Ивана через отчаяние в безумие, через неприятие мира к неприятию Христа» [18, с. 106].

Д.А. Аменицкий, анализируя поведение Дмитрия Карамазова, отмечает, что «<...> Дмитрий Федорович открыл свою тайну, но <...> лишь в минуту крайности, лишь после того, как убедился, что мысль о Смердякове, как убийце, не может его спасти, <...>» [1].

В девятой главе второй части романа «Подросток» помещено переломное для сюжета событие: несостоявшееся преступление Аркадия Долгорукого, от которого его в буквальном смысле спасает случайность. В.М. Дмитриев отмечает, что именно крайние ситуации повлияли на поступок данного персонажа: «поведение Аркадия в описываемое время подвластно постоянным и резким переходам из одной крайности в другую» [9, с. 333].

Крайняя ситуация в жизни Ставрогина в романе «Бесы» описывается М.А. Малышевым: «Осознание собственной ничтожности и порочности привело Ставрогина к крайней душевной пустоте и потере самоуважения» [62; 39, с. 121]. Описывая крайнюю ситуацию Ставрогина, А.Б. Криницын указывает: «<...> вместе с “бесами” из него выходит и жизнь, все его безмерные силы истощаются, крайности уничтожают одна другую, и вряд ли этот исход похож на “исцеление”, произошедшее от Христа» [38, с. 76].

Х.-Ю. Геригк описывает крайнюю ситуацию в жизни Родиона Раскольникова: «Рассказ пожилого Мармеладова и письмо матери делают Раскольникова до крайности чувствительным к социальной типичности своего собственного бедственного положения» [6, с. 59]. Так герой решается на убийство.

Анализируя роман «Преступление и наказание», Д. Барсотти описывает крайнюю ситуацию, в которую попал персонаж: «исповедь пропойцы, который, из-за пристрастия к спиртному, довел свою семью до крайней нищеты, до полной беспросветности» [2, с. 151]. Изучение романа «Братья Карамазовы», позволяет Д. Барсотти сформулировать мысль о том, что «<...> искушение бунтом против Бога приводит Алешу на край бездны, он оказывается на шаг от греха» [2, с. 187].

Р. Жирар, анализируя произведение Ф.М. Достоевского «Вечный муж», описывает поведение Трусоцкого в крайних ситуациях: «Трусоцкий, в прошлом владелец крепостных, богатый помещик, живет в мире господ и рабов. Он не видит срединного пути между двумя этими крайностями, оттого самое незначительное потрясение низвергает его до уровня рабства» [15, с. 29].

О.И. Сыромятников, анализируя роман «Подросток» и описывая крайнюю ситуацию, переживаемую Версиловым, указывает: «Оторвавшись от родной почвы и не пристав к “другому берегу”, Версилов оказался в нравственной пустоте, словно раскачиваясь между добром и злом <...> Но жизнь продолжается и толкает его то к одной, то к другой крайности» [51, с. 232]. Ученый отмечает, что Версилов страдает из-за своих метаний. Страдание усугубляется тем, что герой утратил способность различать добро и зло, и потому, даже искренне желая добра, становится источником своих и чужих страданий. Гордость препятствует ему вернуться назад, а живая часть души страшится неминуемой гибели [51, с. 232].

К.А. Степанян описывает крайнюю ситуацию в жизни персонажа романа «Преступление и наказание»: Раскольников бредет по Николаевскому мосту, но чуть не попадает под лошадь, так как не обращает ни на что внимания. Здесь кучер хлестнул его кнутом. В следующее мгновение к Раскольникову подбегает девочка, проходившая с матерью мимо, которая, приняв его за нищего, подает ему монетку. Однако «Раскольников, находясь в крайней точке своего отпадения от мира, не в состоянии воспринять этот дар» [50, с. 90].

По мнению Ф.И. Евнина, сама природа человека предопределяет развитие трагического конфликта, и потому в произведениях Достоевского «повествуется не об изменениях героя, а о непрерывных, всё более драматических метаниях его между всё теми же полярными крайностями, которые он в себе сочетает, которые вытекают из его идеи-чувства» [12].

С. Сальвестрони в последнее время изучает творчество Ф.М. Достоевского и его связь с наследием христианской веры. Ученый отмечает, что лишь крайние ситуации помогают персонажам его произведений осознать их реальное положение: «Как прежде Соня, так и позже Раскольников приходят к открытию собственной бедности, нужды в помощи, своей незначительности, лишь дойдя до крайности» [46, с. 49]. Ученый формулирует мысль о возможном духовном перерождении героя Достоевского: «Ночью в Мокром Митя, глубоко виноватый и сознающий свою вину, доходит до крайности. Ему кажется, что из этого положения нет выхода» [46, с. 153]. Однако, примиренный с самим собой обещаниями Грушеньки и известием о том, что Григорий жив, Митя погружается в сон бессиленным, униженным, беззащитным. Во сне он видит ребенка, что, по мнению С. Сальвестрони, символизирует нового, перерожденного Митю.

Примечательным является тот факт, что характеристики персонажей Ф.М. Достоевского, их поведение ученые часто интерпретируют через отсылку к русской лингвокультуре. Иными словами, проявление понятийной категории крайности в характере и поведении персонажей рассматривается как характерная черта проявления крайности в русском национальном характере.

По мнению В.В. Дудкина, Ф.М. Достоевский часто обращался к теме крайностей русской жизни: «Ярчайшим проявлением этих крайностей ему представлялись реформы Петра... Петр выбирает из всех возможных темпов проведения реформ самый крайний, экстремальный для России...» [11, с. 204]. Ученый отмечает, что «... недоверие к теории продиктовано у Достоевского ... диалектическим складом его ума или озабоченностью крайностями русской жизни и склада русской души» [11, с. 205].

Р. Жирар пишет: «...крайний восторг от всего русского скрывает тайное презрение. Нищета, жадность, беспорядок и беспомощность воспринимаются как характерные атрибуты русского человека, а значит, и самого Достоевского» [15, с. 113].

Кроме того, ученые часто указывают на отражение национального менталитета русского народа в образе Дмитрия Карамазова. Цитируем Е.Н. Холондовича: «Широкая палитра русских характеров представлена в романе «Братья Карамазовы» [57].

Приведенные высказывания подтверждают, что художественные произведения Ф.М. Достоевского и его персонажи (что входит в составную часть исследуемой персониферы) отражают национальную действительность, национальный характер русского народа.

Отметим, что во всех приведенных цитатах употребление абстрактного существительного *крайность* выражает радикальный выход за норму описываемой ситуации, чрезвычайность (о лексикографическом портретировании лексемы *крайность* см. [20]).

Подведем итоги. Персонифере Ф.М. Достоевского уделяется особое место в русской лингвокультуре. Жизнь и творчество этого писателя насыщены проявлениями понятийной категории крайности. Подтверждение мы находим в работах отечественных и зарубежных ученых и критиков разных лет. В настоящей статье сделана попытка обзора работ о жизни, творчестве, творческом методе Ф.М. Достоевского; систематизированы представления ученых о проявлении понятийной категории крайности в персонифере писателя. Выявлено, что понятийная категория крайности проявляется в разных сферах: в биографии Достоевского, которая определила специфику его творчества; в творческом методе; в чертах характера персонажей; в концепции русского характера, в отражении русской лингвокультуры в персонажах писателя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аменицкий Д.А.* Психопатические типы в «Братьях Карамазовых» // Проблемы психиатрии и психопатологии / отв. ред. С.Н. Давиденков. М.: Биомедгиз, 1935. С. 551-565.
2. *Барсотти Д.* Достоевский. Христос – страсть жизни. М.: Паолине, 1999. 249 с.
3. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. 505 с.
4. *Бехтерев В.М.* О Достоевском / Публ. С. Белова и Н. Агитовой // Русская литература. 1962. № 4. с. 134-141.
5. *Бондарко А.В.* О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений // Функциональный анализ грамматических категорий / Отв. ред. А.В. Бондарко. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1973. С. 5-31.
6. *Геригк Х.-Ю.* Литературное мастерство Достоевского в развитии. От «Записок из Мертвого дома» до «Братьев Карамазовых» / авториз. пер. с нем. и науч. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: Из-во Пушкинского дома; Нестор-История, 2016. 320 с.
7. *Григорьева С., Сузи В.* Старший брат в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: к ключевой для автора теме семьи и братства // Парус. 2017. № 9. <http://xn--80alhdjhcxhy5hl.xn--p1ai/content/starshiy-brat-v-romane-fm-dostoevskogo-bratya-karamazovy-k-klyuchevoy-dlya-avtora-teme-semi-i>
8. *Грифцов Б.А.* Эстетический канон Достоевского. Вступительная заметка и публикация В. Лушпая // Вопросы литературы. 2005. №2. С. 191-208.
9. *Дмитриев В.М.* К творческой истории романа Ф.М. Достоевского «Подросток» (о том, почему был отброшен «Эпизод с Аришей») // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 22. 2019. С. 328-338.
10. *Достоевский Ф.М.* Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. Т. 4. С. 452–551.
11. *Дудкин В.В.* Два лагеря теоретиков (По поводу «Дня» и кой-чего другого) // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. СПб., 2008. С. 204—205.
12. *Евнин Ф.И.* Реализм Достоевского // Проблемы типологии русского реализма. М, 1969. С. 437.
13. *Есперсен О.* Философия грамматики / пер. с англ. В.В. Пассека, С.П. Сафроновой; общ. ред. и предисл. Б.А. Ильиша. М.: Изд-во иностр. литры, 1958. 404 с.
14. *Ефремов В.С.* Достоевский: психиатрия и литература. СПб.: Диалект, 2006. 464 с.
15. *Жирар Р.* Достоевский: от двойственности к единству / пер. с фр. (Серия «Религиозные мыслители»). М.: Издательство ББИ, 2013. 162 с.
16. *Иванян Е.П.* Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке. 2-е изд., стереотип. М.: Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2015. – 328 с.
17. *Иустин (Попович), преподобный.* Достоевский о Европе и славянстве / [Вступ. ст. Н.К. Симакова, пер. с серб. Л.Н. Даниленко]. СПб.: ИД «Адмиралтейство», 1998. 271 с.
18. *Иустин (Попович), преподобный.* Философия и религия Ф.М. Достоевского. Мн.: Издатель Д.В. Харченко, 2007. 312 с.
19. *Кацнельсон С.Д.* Категории языка и мышления: Из научного наследия / Отв. ред. Л.Ю. Брауде. М.: Языки славянской культуры, 2001. 864 с.
20. *Клюшина А.М.* Лексикографическое портретирование лексемы «крайность» // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2020 №4, <https://sfk-mn.ru/PDF/39FLSK420.pdf> (доступ свободный).

21. Ключина А.М. Сочетание частиц для передачи семантики крайности в произведении А. Геласимова // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов. – Киров: ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2020. С. 138-144.
22. Ключина А.М. Проявление семантики крайности в персонифицированной В.С. Высоцкого // Лекантовские чтения: материалы Международной научной конференции. Москва, 2020. Издательство: МГОУ. С. 247-250.
23. Ключина А.М. Проявление семантики крайности в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Наследие Ф.М. Достоевского и современность: тезисы Международного научного форума, посвященного 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского (Гомель, 25–26 февраля 2021 года) / редкол.: И.Г. Гомонова (отв. ред.) [и др.]; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. С. 37-38.
24. Ключина А.М. О некоторых средствах выражения семантики крайности в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Libri Magistri. 2021. Вып. 2 (16). – С. 36-45.
25. Ключина А.М. О семантике крайности в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // С любовью к Слову: Сборник статей участников Всероссийской с международным участием научной конференции, приуроченной к 80-летию юбилею доктора филологических наук, профессора Людмилы Алексеевны Климовой, специалиста в области лексикологии, диалектологии, ономастики, словообразования, Арзамас, 09–10 февраля 2021 года / Отв. редактор О.В. Никифорова. – Арзамас: Арзамасский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", 2021. – С. 122-125.
26. Ключина А.М. Вербальная репрезентация функционально-семантической категории крайности в образе Дмитрия Карамазова // Русский язык и культура в зеркале перевода: юбилейная международная научная конференция (г. Салоники (Греция), 8–12 июля 2021 г.): материалы конференции. М.: Изд-во Московского университета, 2021. С. 462–472.
27. Ковач А. Поэтика Достоевского / Пер. с румынского Е. Логиновской. М.: Водолей Publishers, 2008. 352 с.
28. Кошечко А.Н. Экзистенциальная судьба Ф.М. Достоевского: способы отражения в слове. Томск: Изд-во ТПУ, 2014. 160 с.
29. Криницын А.Б. К вопросу о типизации героев в романах «пятикнижия» Ф.М. Достоевского // Научный диалог. 2016. № 4 (52). С. 128-142.
30. Криницын А.Б. Бинарные структуры в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, № 2 (71), 2016, С. 129-135.
31. Криницын А.Б., Шаранова Д.Д. «Игрок» Достоевского и бульварная литература: о точках пересечения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 5(59): в 3-х ч. Ч. 3. С. 25-29.
32. Криницын А.Б. Тема детей в «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского. Сон о «дите» Дмитрия Карамазова. (Опыт комментария). URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/40084.php>.
33. Криницын А.Б. Достоевский и Стефан Цвейг: переключки двух веков. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/45052.php>.
34. Криницын А.Б. Генезис и идейное становление подпольного героя в творчестве Ф.М. Достоевского. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/41481.php>.
35. Криницын А.Б. Достоевский и Шиллер. Часть четвертая. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/45835.php>.
36. Криницын А.Б. «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского. Опыт систематического анализа. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/40533.php>.
37. Криницын А.Б. Сюжетно-мотивная структура повести Ф.М. Достоевского «Вечный муж». URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/45122.php>.
38. Криницын А.Б. Структура и принципы сюжетобразования в романах «пятикнижия» Ф.М. Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 22. 2019. С. 70-82.
39. Малышев М. Крайности нигилизма: образ Старогина в романе Достоевского «Бесы» / Пер. О.С. Мастюгиной // Феноменология реальности: конструкт и концепт. М., 2009. Вып. 2. С. 110-123.
40. Мейер Г. А. Свет в ночи (О «Преступлении и наказании»). Опыт медленного чтения. Frankfurt/Main: Посев, 1967. 517 с.
41. Мелетинский Е.М. Заметки о творчестве Достоевского. М.: РГГУ, 2001. 190 с.
42. Оборин Л. URL: <https://polka.academy/articles/627>
43. Полемика вокруг идейного наследия Ф.М. Достоевского в зарубежной литературе. Реферативный сб. Ч. 1 [и единственная]. Исследование мировоззрения и творчества Достоевского в социалистических странах. М.: [ИМЛИ АН СССР, ИНИОН АН СССР, ИФ АН СССР], 1975. 248 с.
44. Померанц Г.С. Открытость бездне. Встречи с Достоевским. 2-е изд., доп. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 416 с.
45. Ребель Г.М. Герои и жанровые формы романов Тургенева и Достоевского (Типологические явления русской литературы XIX века) // Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2007. 398 с.
46. Сальвестрони С. Библиейские и святоотеческие источники романов Достоевского / Пер. с итальянского. СПб.: Академический проект, 2001. 187 с.

47. *Сараскина Л.И.* Испытание будущим. Ф.М. Достоевский как участник современной культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 600 с.
48. *Симонова-Хохрякова Л.Х.* Из воспоминаний о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. С. 343-355.
49. *Соина О.С., Сабиров В.Ш.* Этика самосовершенствования: Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьев // Читаем Достоевского: (Опыт философского осмысления мировоззрения и творчества писателя). Новосибирск: Наука, 2005. 304 с.
50. *Степанян К.А.* Путеводитель по роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: Учебное пособие. М.: Издательство Московского университета, 2014. 208 с.
51. *Сыромятников О.И.* Поэтика русской идеи в «великом пятикнижии» Ф.М. Достоевского. СПб.: Маматов, 2014. 368 с.
52. *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! гряди вон. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Серебряный век, 2016. 560 с.
53. *Уильямс Р.* Достоевский: язык, вера, повествование / Пер. с англ. Н.М. Пальцева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 295 с.
54. *Фокин С.Л.* Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. СПб.: РХГА, 2013. 396 с.
55. *Фридендер Г.* Ф.М. Достоевский и его наследие // Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1988. Т. 1. С. 5–30.
56. *Хаззагеров Г.Г.* Персоносфера русской культуры // Новый мир. 2002. №1. С. 133-145.
57. *Холондович Е.Н.* Ф.М. Достоевский о русском национальном характере // Историогенез и современное состояние российского менталитета: Сб. науч. статей / Институт психологии РАН; под ред. В.А. Кольцова, Е.В. Харитоновна. М.: Институт психологии РАН, 2015. С. 321-330.
58. *Худяков А.А.* Понятийные категории как объект лингвистического исследования // Аспекты лингвистических и методических исследований: сб. науч. тр. Архангельск: ПГУ им. М.В. Ломоносова, 1999. URL: <http://professor-hudyakov.ru/pdf/1999-notional.pdf>
59. *Чирков Н.М.* О стиле Достоевского: Проблематика, идеи, образы. М.: Изд-во Наука, 1967. 301 с.
60. *Эрикссон Я.* «Кто-то посетил мою душу»: духовный путь Достоевского / Пер. со швед. Л.П. Олдыревой-Густафссон. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. 215 с.
61. *Gide A.* Dostoïevsky d'après sa correspondance, Paris, Gaillimard. 1981. 198 p.
62. *Malishev M.* Extremos del nihilismo: la imagen de Stavroguin en la novella de Dostoevski Demonios // Entre vivencias e ideales (ensayos filosoficos y literarios). Toluca. 1997. pp. 13-24.

Поступила в редакцию 24.07.2021

Ключина Алёна Михайловна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации,
ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет»
443099, Россия, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67
E-mail: klyushina@pgsga.ru

A.M. Klyushina

CHARACTERISTICS OF THE PERSONOSPHERE SPECIFICS OF F.M. DOSTOEVSKY

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-3-580-593

This article presents an overview of the works of scientists and critics about the life and work of F.M. Dostoevsky. Fyodor Dostoevsky's personosphere occupies a special place in the Russian national-cultural space; his novels reflect the national reality and convey the national values of Russian people; his characters symbolize the national Russian character. The high frequency of the manifestation of the conceptual category of extremes in various spheres of the individual personosphere of F.M. Dostoevsky is revealed: in the facts of Dostoevsky's biography and their reflection in the writer's works; Russian language culture is reflected in the creative method of F.M. Dostoevsky; in the character and actions of F.M. Dostoevsky's characters as frequent images of the writer's personal personosphere; when describing extreme situations in the life of characters in works of fiction; when reflecting the Russian character, Russian linguistic culture through Dostoevsky's characters (which also confirms that the manifestation of extremes is characteristic of Russian linguistic culture).

Keywords: conceptual category; extreme; personosphere; F.M. Dostoevsky; Russian linguoculture.

REFERENCES

1. Amenickij D.A. Psihopaticheskie tipy v «Brat'yah Karamazovyh» [Psychopathic types in the "Brothers Karamazov"] // Problemy psichiatrii i psihopatologii [Problems of psychiatry and psychopathology] / otv. red. S.N. Davidenkov. M.: Biomedgiz, 1935. pp. 551-565. (In Russian).
2. Barsotti D. Dostoevskij. Hristos – strast' zhizni [Dostoevsky. Christ is the passion of life]. M.: Paoline, 1999. 249 p. (In Russian).
3. Bahtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics] // Bahtin M.M. Collected Works: In 7 volumes. M.: Russian dictionaries: Languages of Slavic culture, 2002. T. 6. 505 p. (In Russian).
4. Bekhterev V.M. O Dostoevskom [About Dostoevsky] / Publ. S. Belova i N. Agitovoj // Russkaya literatura [Russian literature]. 1962. № 4. pp. 134-141. (In Russian).
5. Bondarko A.V. O nekotoryh aspektah funkcional'nogo analiza grammaticheskikh yavlenij [On some aspects of functional analysis of grammatical phenomena] // Funkcional'nyj analiz grammaticheskikh kategorij [Functional analysis of grammatical categories] / Ed. A.V. Bondarko. L.: A.I. Herzen LGPI, 1973. pp. 5-31. (In Russian).
6. Gerigk H.-Yu. Literaturnoe masterstvo Dostoevskogo v razvitii. Ot «Zapisok iz Mertvogo doma» do «Brat'ev Karamazovyh» [Dostoevsky's literary skill in development. From "Notes from the Dead House" to "The Brothers Karamazov"] / author. trans. from it. and scientific ed. by K. Yu. Lappo-Danilevsky. St. Petersburg: From the Pushkin House; Nestor-History, 2016. 320 p. (In Russian).
7. Grigor'eva S., Suzi V. Starshij brat v romane F.M. Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy»: k klyuchevoj dlya avtora teme sem'i i bratstva [The elder brother in F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov": on the key theme of family and brotherhood for the author] // Parus. 2017. № 9. <http://xn--80alhdjhdchxy5hl.xn--p1ai/content/starshiy-brat-v-romane-fm-dostoevskogo-bratya-karamazovy-k-klyuchevoj-dlya-avtora-teme-semi-i> (In Russian).
8. Grifcov B.A. Esteticheskij kanon Dostoevskogo. Vstupitel'naya zametka i publikaciya V. Lushpaya [Dostoevsky's Aesthetic Canon. Introductory note and publication by V. Lushpay] // Voprosy literatury [Questions of literature]. 2005. №2. pp. 191-208. (In Russian).
9. Dmitriev V.M. K tvorcheskoj istorii romana F.M. Dostoevskogo «Podrostok» (o tom, pochemu byl otbroshen «Epizod s Arishej») [To the creative history of F.M. Dostoevsky's novel "The Teenager" (about why the "Episode with Arisha" was discarded)] / Dostoevskij. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and research]. T. 22. 2019. pp. 328-338. (In Russian).
10. Dostoevskij F.M. Zapiski iz podpol'ya [Notes from the underground] // Dostoevskij F.M. Sobranie sochinenij v 15 tomah [Dostoevsky F.M. Collected works in 15 volumes.]. L.: Nauka. Leningrad Branch, 1989. T. 4. pp. 452–551. (In Russian).
11. Dudkin V.V. Dva lagerya teoretikov (Po povodu «Dnya» i koj-chego drugogo) [Two camps of theorists (About the "Day" and something else)] // Dostoevskij: Sochineniya, pis'ma, dokumenty: Slovar'-spravochnik [Dostoevsky: Essays, letters, documents: Dictionary-reference]. St. Petersburg, 2008. pp. 204—205. (In Russian).
12. Evnin F.I. Realizm Dostoevskogo [Dostoevsky's realism] // Problemy tipologii russkogo realizma [Problems of the typology of Russian realism]. M., 1969. p. 437. (In Russian).
13. Espersen O. Filosofiya grammatiki [Philosophy of Grammar] / translated from English by V.V. Passek, S.P. Safronova; general ed. and preface by B.A. Ilyish. M.: Publishing house in foreign languages literature, 1958. 404 p. (In Russian).
14. Efremov V.S. Dostoevskij: psichiatriya i literature [Dostoevsky: psychiatry and literature]. St. Petersburg: Dialect, 2006. 464 p. (In Russian).
15. ZHirar R. Dostoevskij: ot dvojstvennosti k edinstvu [Dostoevsky: from duality to unity] / trans. from fr. (Series "Religious thinkers"). Moscow: BBI Publishing House, 2013. 162 p. (In Russian).
16. Ivanyan E.P. Semantika umolchaniya i sredstva ee vyrazheniya v russkom yazyke [Semantics of default and means of its expression in the Russian language]. - 2nd edition, stereotypical. - Moscow: FLINT Limited Liability Company, 2015. - 328 p. (In Russian).
17. Iustin (Popovich), prepodobnyj. Dostoevskij o Evrope i slavyanstve [Dostoevsky on Europe and the Slavs] / Introduction by N.K. Simakova, per. with Serbian L.N. Danilenko. St. Petersburg: Publishing house "Admiralty", 1998. 271 p. (In Russian).
18. Iustin (Popovich), prepodobnyj. Filosofiya i religiya F.M. Dostoevskogo [Philosophy and religion of F.M. Dostoevsky]. Mn.: Publisher D.V. Kharchenko, 2007. 312 p. (In Russian).
19. Kacnel'son S.D. Kategorii yazyka i myshleniya: Iz nauchnogo naslediya [Categories of language and thinking: From the scientific heritage] / Ed. by L.Yu. Braude. - M.: Languages of Slavic culture, 2001. - 864 p. (In Russian).
20. Klyushina A.M. Leksikograficheskoe portretirovanie leksemy «krajnost'» [Lexicographic portrait of the lexeme "крайность"] // Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya [The world of science. Sociology, Philology, Cultural Studies], 2020 № 4, <https://sfk-mn.ru/PDF/39FLSK420.pdf> (dostup svobodnyj). (In Russian).
21. Klyushina A.M. Sochetanie chastic dlya peredachi semantiki krajnosti v proizvedenii A. Gelasimova [The combination of particles for the transfer of the semantics of the extreme in the work of A. Gelasimov] // Semantika. Funkcionirovanie. Tekst: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov [Semantics. Functioning. Text: interuniversity collection of scientific papers]. - Kirov: LLC "Raduga-PRESS Publishing House", 2020. pp. 138-144. (In Russian).

22. Klyushina A.M. Proyavlenie semantiki krajnosti v personosfere V.S. Vysockogo [The manifestation of the semantics of the extreme in the personosphere of V.S. Vysotsky] // Lekantovskie chteniya: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Lekantovskie readings: materials of the International Scientific Conference]. Moscow, 2020. Publishing house: Moscow State University. pp. 247-250. (In Russian).
23. Klyushina A.M. Proyavlenie semantiki krajnosti v romane F.M. Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy» [The manifestation of the semantics of the extreme in the novel by F.M. Dostoevsky "The Brothers Karamazov"] // Nasledie F.M. Dostoevskogo i sovremennost': tezisy Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma, posvyashchennogo 200-letiyu so dnya rozhdeniya F.M. Dostoevskogo (Gomel', 25–26 fevralya 2021 goda) [The legacy of F.M. Dostoevsky and modernity: theses of the International Scientific Forum dedicated to the 200th anniversary of the birth of F.M. Dostoevsky (Gomel, February 25-26, 2021)] / editor: I.G. Gomonova (ed.) [et al.]; Gomel State University named after F. Skorina. - Gomel: F. Skarina State University, 2021. – pp. 37-38. (In Russian).
24. Klyushina A.M. O nekotoryh sredstvakh vyrazheniya semantiki krajnosti v romane F.M. Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy» [On some means of expressing the semantics of the extreme in F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov"] // Libri Magistri. 2021. Issue 2 (16). – pp. 36-45. (In Russian).
25. Klyushina A.M. O semantike krajnosti v romane F.M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» [On the semantics of the extreme in F.M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment"] // S lyubov'yu k Slovu: Sbornik statej uchastnikov Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoj konferencii, priurochennoj k 80-letnemu yubileyu doktora filologicheskikh nauk, professora Lyudmily Alekseevny Klimkovej, specialista v oblasti leksikologii, dialektologii, onomastiki, slovoobrazovaniya, Arzamas, 09–10 fevralya 2021 goda [With love for the Word: A collection of articles by participants of the All-Russian scientific conference with international participation, dedicated to the 80th anniversary of Doctor of Philology, Professor Lyudmila Alekseevna Klimkova, a specialist in the field of lexicology, dialectology, onomastics, word formation, Arzamas, February 09-10, 2021] / Editor-in-chief O.V. Nikiforova. – Arzamas: Arzamas branch of the Federal State Autonomous educational institution of higher education "national research Nizhny Novgorod state University. N.I. Lobachevsky", 2021. – pp. 122-125. (In Russian).
26. Klyushina A.M. Verbal'naya reprezentaciya funkcional'no-semanticheskoy kategorii krajnosti v obraze Dmitriya Karamazova [Verbal representation of the functional-semantic category extremes in the way of Dmitri Karamazov] // Russkij yazyk i kul'tura v zerkale perevoda: yubilejnaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya (g. Saloniki (Greciya), 8–12 iyulya 2021 g.): materialy konferencii [Russian language and culture in the mirror of translation: anniversary international scientific conference (Thessaloniki (Greece), July 8-12, 2021): proceedings of the conference]. Moscow: Moscow University Press, 2021. pp. 462 – 472. (In Russian).
27. Kovach A. Poetika Dostoevskogo [Dostoevsky's poetics] / Translated from Romanian by E. Loginovskaya. Moscow: Aquarius Publishers, 2008. 352 p. (In Russian).
28. Koshechko A.N. Ekzistencial'naya sud'ba F.M. Dostoevskogo: sposoby otrazheniya v slove [The existential fate of F.M. Dostoevsky: ways of reflection in the word]. Tomsk: Publishing house of TPSU, 2014. 160 p. (In Russian).
29. Krinicyн A.B. K voprosu o tipizacii geroev v romanah «pyatiknizhiya» F.M. Dostoevskogo [On the question of the typification of heroes in the novels "The Pentateuch "by F.M. Dostoevsky]] // Nauchnii Dialog [Scientific Dialogue]. 2016. № 4 (52). pp. 128-142. (In Russian).
30. Krinicyн A.B. Binarnye struktury v romane F.M. Dostoevskogo «Idiot» [Binary structures in F.M. Dostoevsky's novel "The Idiot"] // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki [Scientific notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences], № 2 (71), 2016, pp. 129-135. (In Russian).
31. Krinicyн A.B., SHarapova D.D. «Igrok» Dostoevskogo i bul'varnaya literatura: o tochkah peresecheniya [Dostoevsky's "The Player" and tabloid literature: about points of intersection] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice.]. Tambov: Gramota, 2016. № 5(59): in 3 parts. P. 3. pp. 25-29. (In Russian).
32. Krinicyн A.B. Tema detej v «Brat'yah Karamazovyh» F.M. Dostoevskogo. Son o «dite» Dmitriya Karamazova. (Opyt kommentariya) [The theme of children in the " Brothers Karamazov " by F.M. Dostoevsky. A dream about the " child " of Dmitry Karamazov. (Comment experience)]. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/40084.php>. (In Russian).
33. Krinicyн A.B. Dostoevskij i Stefan Cvejg: pereklichka dvuh vekov [Dostoevsky and Stefan Zweig: the roll call of two centuries]. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/45052.php>. (In Russian).
34. Krinicyн A.B. Genezis i idejnoe stanovlenie podpol'nogo geroya v tvorchestve F.M. Dostoevskogo [Genesis and ideological formation of an underground hero in the works of F.M. Dostoevsky]. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/41481.php>. (In Russian).
35. Krinicyн A.B. Dostoevskij i Shiller. CHast' chetvertaya [Dostoevsky and Schiller. Part four.]. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/45835.php>. (In Russian).
36. Krinicyн A.B. «Prestuplenie i nakazanie» F.M. Dostoevskogo. Opyt sistematcheskogo analiza ["Crime and Punishment" by F.M. Dostoevsky. Experience of systematic analysis]. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/40533.php>. (In Russian).

37. Krinicyн A.B. Syuzhetno-motivnaya struktura povesti F.M. Dostoevskogo «Vechnyj muzh» [Plot-motive structure of the story of F.M. Dostoevsky "The Eternal Husband"]. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/45122.php>. (In Russian).
38. Krinicyн A.B. Struktura i principy syuzhetoobrazovaniya v romanah «pyatiknizhiya» F.M. Dostoevskogo [Structure and principles of plot formation in the novels "The Pentateuch" by F.M. Dostoevsky] // Dostoevskij. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and research]. Volume 22. 2019. pp. 70-82. (In Russian).
39. Malyshev M. Krajnosti nigilizma: obraz Stavrogina v romane Dostoevskogo «Besy» [The extremes of nihilism: the image of Stavrogin in Dostoevsky's novel "Demons"] / Translated by O.S. Mastuygina // Fenomenologiya real'nosti: konstrukt i concept [Phenomenology of reality: construct and concept]. M., 2009. Issue 2. pp. 110-123. (In Russian).
40. Mejer G.A. Svet v nochi (O «Prestuplenii i nakazanii»). Opyt medlennogo chteniya [Light in the night (About "Crime and punishment"). Experience slow reading]. Frankfurt/Main: Sowing, 1967. 517 p. (In Russian).
41. Meletinskij E.M. Zametki o tvorchestve Dostoevskogo [Notes on the work of Dostoevsky]. M.: RSUH, 2001. 190 p. (In Russian).
42. Oborin L. URL: <https://polka.academy/articles/627> (In Russian).
43. Polemika vokrug idejnogo naslediya F.M. Dostoevskogo v zarubezhnoj literature. Referativnyj sb. Ch. 1 [i edinstvennaya]. Issledovanie mirovozzreniya i tvorchestva Dostoevskogo v socialisticheskikh stranah. [The controversy around the ideological heritage of F.M. Dostoevsky in foreign literature. Abstract collection of Part 1 [and the only one]. A study of Dostoevsky's worldview and creativity in socialist countries.] M.: [IMLI of the USSR Academy of Sciences, INION of the USSR Academy of Sciences, IF of the USSR Academy of Sciences], 1975. 248 p. (In Russian).
44. Pomeranc G.S. Otkrytost' bezdne. Vstrechi s Dostoevskim [Openness to the abyss. Meetings with Dostoevsky]. 2nd ed., additional M.; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2013. 416 p. (In Russian).
45. Rebel' G.M. Geroi i zhanrovye formy romanov Turgeneva i Dostoevskogo (Tipologicheskie yavleniya russkoj literatury XIX veka) [Heroes and genre forms of Turgenev and Dostoevsky's novels (Typological phenomena of Russian literature of the XIX century)] // PSPU. – Perm, 2007. – 398 p. (In Russian).
46. Sal'vestroni S. Biblejskie i svyatootecheskie istochniki romanov Dostoevskogo [Biblical and patristic sources of Dostoevsky's novels] / Translated from Italian. St. Petersburg: Academic Project, 2001. 187 p. (In Russian).
47. Saraskina L.I. Ispytanie budushchim. F.M. Dostoevskij kak uchastnik sovremennoj kul'tury [The test of the future. F. M. Dostoevsky as a participant of modern culture]. M.: Progress-Tradition, 2010. 600 p. (In Russian).
48. Simonova-Hohryakova L.H. Iz vospominanij o Fedore Mihajloviche Dostoevskom [From the memories of Fyodor Mikhailovich Dostoevsky] // F.M. Dostoevskij v vospominaniyah sovremennikov [F.M. Dostoevsky in the memoirs of contemporaries]. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1990. Volume 2. pp. 343-355. (In Russian).
49. Soina O.S., Sabirov V. Sh. Etika samosovershenstvovaniya: L.N. Tolstoj, F.M. Dostoevskij, V.I. Solov'ev [Ethics of self-improvement: L. N. Tolstoy, F.M. Dostoevsky, V.L. Solovyov] // CHitaem Dostoevskogo: (Opyt filosofskogo osmysleniya mirovozzreniya i tvorchestva pisatelya) [Read Dostoevsky: (Experience a philosophical understanding of the world and work of the writer)]. Novosibirsk: Nauka, 2005. – 304 p. (In Russian).
50. Stepanyan K.A. Putevoditel' po romanu F.M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie»: Uchebnoe posobie [A guide to the novel by F.M. Dostoevsky "Crime and Punishment": A textbook]. Moscow: Moscow University Press, 2014. 208 p. (In Russian).
51. Syromyatnikov O.I. Poetika russkoj idei v «velikom pyatiknizhii» F.M. Dostoevskogo [Poetics of the Russian idea in the "Great Pentateuch" by F. M. Dostoevsky]. St. Petersburg: Mamatov, 2014. 368 p. (In Russian).
52. Tihomirov B.N. «Lazar! gryadi von. Roman F.M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» v sovremennom prochtenii: Kniga-kommentarij ["Lazar! get out of here. The novel by F.M. Dostoevsky "Crime and punishment" in a modern reading: A book-commentary]. Ed. 2nd, corr. and add. St. Petersburg.: Silver Age, 2016. 560 p. (In Russian).
53. Uil'yams R. Dostoevskij: yazyk, vera, povestvovanie [Dostoevsky: language, faith, narrative] / Translated from the English by N.M. Paltseva. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2013. 295 p. (In Russian).
54. Fokin S.L. Figury Dostoevskogo vo francuzskoj literature XX veka [Dostoevsky's figures in the French literature of the XX century]. St. Petersburg: RHGA, 2013. 396 p. (In Russian).
55. Fridlender G. F.M. Dostoevskij i ego nasledie [F.M. Dostoevsky and his legacy] // F.M. Dostoevskij. Sobranie sochinenij v 15 tomah [F.M. Dostoevsky. Collected works in 15 volumes]. L.: Nauka. Leningrad branch, 1988. T. 1. pp. 5–30. (In Russian).
56. Hazagerov G.G. Personosfera russkoj kul'tury [Personosphere of Russian culture] // Novyj mir [New World]. 2002. №1. pp. 133-145. (In Russian).
57. Holondovich E.N. F.M. Dostoevskij o russkom nacional'nom haraktere [F. M. Dostoevsky on the Russian national character] // Istoriogenez i sovremennoe sostoyanie rossijskogo mentaliteta: Sb. nauch. statej [Historiogenesis and the current state of the Russian mentality: Collection of scientific articles] / Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; edited by V.A. Koltsov, E.V. Kharitonov. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2015. pp. 321-330. (In Russian).
58. Hudyakov A.A. Ponyatijnye kategorii kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Conceptual categories as an ob-

- ject of linguistic research] // *Aspekty lingvisticheskikh i metodicheskikh issledovaniy: sb. nauch. tr.* [Aspects of linguistic and methodological research: collection of scientific works] – Arkhangelsk: Lomonosov PSU, 1999. – URL: professor-hudyakov.ru/pdf/1999-notional.pdf (In Russian).
59. Ширков Н.М. О стиле Достоевского: Problematika, idei, obrazy [About Dostoevsky's style: Problems, ideas, images]. Moscow: Nauka Publishing House, 1967. 301 p. (In Russian).
60. Erikson Ya. «Kto-to posetil moyu dushu»: duhovnyj put' Dostoevskogo ["Someone visited my soul": the spiritual path of Dostoevsky] / Translated from the Swedish by L. P. Oldyreva-Gustafsson. Yekaterinburg: Ural Publishing House, 2010. 215 p. (In Russian).
61. Zhid A. Dostoevsky v pis'mah [Dostoevsky in letters], Paris, Gaillimard. 1981. 198 p. (In French).
62. Malishev M. Krajnosti nihilizma: obraz Stavrogina v novelle Dostoevskogo [Extremes of nihilism: the image of Stavrogina in Dostoevsky's novella Demons] // *Mezhdu perezhivaniyami i idealami (filosofskie i literaturnye ocherki)* [Between experiences and ideals (philosophical and literary essays)]. Toluca. 1997. pp. 13-24. (In Spanish).

Received 24.07.2021

Klyushina A.M., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
of English Philology and Cross-Cultural Communication Department
Samara State University of Social Sciences and Education
M. Gorkogo st., 65/67, Samara, Russia, 443099
E-mail: klyushina@pssga.ru